

Лейла САЛАЕВА

Писательница, поэтесса, перформансист

Она хотела укрыться от сильного ветра. Он задувал ей под одежду и металлическим воздухом лежал на ее сердце. Весь город бушевал, засыпая ее песком с нескончаемых строк, гудками раздраженных водителей и шуршанием целлофановых пакетов. Этот звук больше всего ее убивал, так как напоминал ей о сухой коже, болезненно трущейся под одеждой.

Но она продолжала идти, ускоряя шаг, еще пару ступенек, и она окажется у Парных Ворот или, как их называли в далекие времена, - Шемахинские ворота. Ичеришехер как всегда встретил ее теплым шафрановым светом, будто бабушка раскатывала его как гогол, слоями по булжникам и стенам домов. Многовековые крепостные стены поднимались высоко, точно заключили Ичеришехер в кольцо, как драгоценный камень в оправу.

Наступило ощущение защищенности, ветер боялся заходить и беспокоить покой внутреннего города. Она шагала по узким улочкам, которые стремились обнять друг друга, ругая себя за каждый отступанный звук каблучков. Даже здесь ее присутствие нарушало гармонию устоявшегося порядка.

Ей казалось, что все дороги в Ичеришехер так или иначе ведут к Девичьей башне. Однако, выйдя к ней, ей не захотелось остановиться, как она это делала обычно, рассматривая часами каждый кирпич башни, которая стояла безмолвно. Словно она могла разгадать секрет своего пребывания в этом городе. Она всегда считала секреты подарками, чаще всего как кислоты, разъедающими своего обладателя. Но можно ли было дарить их?

Проходя мимо маленьких магазинчиков с антиквариатом, она представила себе, кто мог бы быть хозяином той или иной вещи. Например, вот этого медного кувшина с лебединой шеей. Спал ли этот кувшин прохладной водой в знойные дни бакинского лета? "Вода исцеляет тело, а дорога - душу" - подумала она.

Она резко свернула наверх на крутой подъем. Чтобы прийти к чему-то светлому, нужно преодолевать препятствия, каждый раз выбирая неизведанный путь. И этот путь привел ее к односторонней мечети. Только сейчас она заметила, что уже стемнело и солнце покинуло небосклон, даже не попрощавшись с ней, не оставив обещание, что завтра вновь взойдет. Хотя она прекрасно понимала, что жизнь присутствует там, где есть цикличность. Тем временем на вечернем небе минарет уже беседовал с восковой луной о своей любви к ней.

Поворот направо привел ее к лестнице, которая вела к окну, очерченному молочными рамками. Она остановилась и не смогла сделать дальше шаг. Тени от растений, которые стояли в кадках по обеим сторонам, разрисовывали лестницу узорами разлитого портвейна. Окно манило ее, и она, вдохнув глубоко миг нового ощущения уюта, начала неспешно подниматься по лестнице вверх. Окно становилось ближе и ближе.

Откуда ни возьмись, навстречу к ней вышли двое детей. Мальчик лет семи с ярким румянцем и черными кудряшками, которые непослушно высовывались из-под шапки, и девочка помладше с твердым боевым взглядом. Они держались за ручки. В другой руке крепко сжимали рукоятку от алюминиевого бидона.

- Дома закончился керосин, комфорка затухла, - звонко известил мальчик.

- И мы остались без ужина, - протяжно продолжила девочка.

"Воздушный шар". Ты будешь рассказывать что-то, что так же тебя изнутри обжигает, как выпитый стакан горячего чая. Каждый выпитый стакан - балласт, от которого мы будем освобождаться и таким образом еще больше возвышаться, пока не обретем ту самую легкость бытия, - произнес глухой голос. - Рассказывай. Каждое твое слово будет услышано.

Наступило молчание. Это молчание казалось невидимым помощником, который появлялся в нужный момент и позволял чувствовать этот момент именно в том оттенке, в каком было необходимо.

Она поняла, что пришел ее черед говорить. Столько хотелось рассказать, но она не представляла, с чего начать. И вдруг осознала: все, чего она хотела сейчас, - просто молчать, смотреть ему в глаза и молчать о своем. Ей не нужны были слова, чтобы передать свои переживания, страхи, неудачи.

- Все меня называли Бидж Зейнабдин, но внутри себя я всегда чувство-

этой ситуации, так как мне самому нужно было разобраться с конкурентами, которые не спали по ночам в эти душевные дни и придумывали новые уловки для переманивания клиентов. Но он рассказал о том, что у владельца дома скоро должно быть торжество, и он наконец нашел жениха для своей дочери. Эти убытки могли сорвать свадьбу. И тогда я вспомнил, что знаком с женихом. Вспомнил наш разговор, когда он заходил ко мне в лавку. Шеголь, приятно и празднично одет. Но в глазах читалась пустота. Я подумал тогда про себя, что жаль ту девушку, что упадет в этот промерзший колодезь. Однако я решил помочь с галетами, ведь недаром меня прозвали Бидж.

Вечером, когда спала жара, я направился в кондитерскую и купил там пачку галет. Зайдя в один из переполненных ресторанов города "Шамс", я занял наиболее центральный столик. Затем я шумно распаковал пачку с галетами и воскликнул с удивлением

- Ай джамаат, я нашел золотой в пачке!

Все сидящие вокруг разом устремили взор на мои ладони, в которых блестела голова Николая Второго.

Думаю, ты и сама догадываешься, что было позже. В течение двух дней все галеты были распроданы. Естественно, так никто и не нашел золотую монету, но зато владелец смог покрыть расходы, а значит, свадьбе быть.

Тут он остановился, будто колесница мысли его куда-то унесла.

- Я знал, что сделал что-то не то, но не мог понять. До того самого дня, когда я столкнулся с ними впервые, с ее глазами. Ее взгляд оставил вышивку на моем сердце. Вот тогда я и понял, что золотой был не в галетах.

В этот момент он загадочно улыбнулся с душевной теплотой и посмотрел на окно.

- Ты ведь знаешь, что там, за этим окном. И ты идешь к нему не один уже день.

- Я кажется все время шла не той дорогой, - смущенно она ответила.

- Сорви свое и заходи, - мягко сказал мужчина.

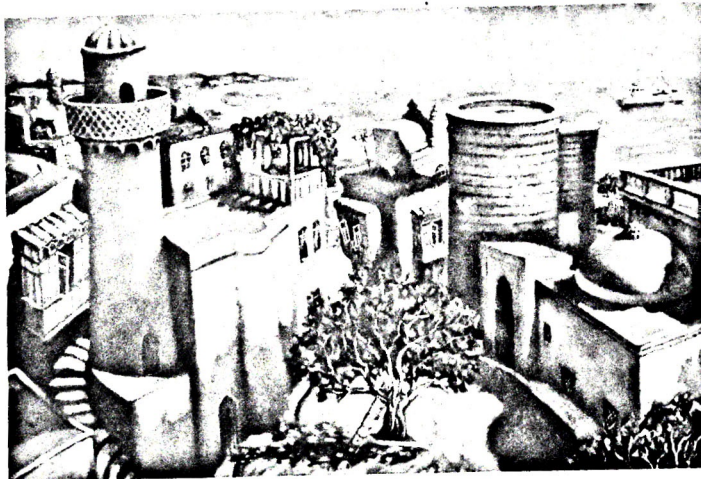
Только сейчас слева от окна она заметила деревянную дверь цвета имбирного печеня. Поверхность двери была разделена на квадратики, словно маленькие кратеры для фонтанов. Сверху над ними, плавное покачиваясь, висели сердечки акварельно-лавандового цвета на нежных сатиновых веревках. Там же, рядом на стене, кто-то круглым женским почерком оставил стихотворение.

*Завтра начинается с ночи
Или с восхода солнца,
С опустевшей комнаты
И весеннего цветника,
Со случайного окна,
За которым журчит счастье,
С половиной листа,
Чтобы дожить до шестидесяти.*

*Завтра ждет твоего шага,
Попивая чай с тмазками,
Не напрашиваясь и не отпуская,
Ложится с тобой каждую ночь.*

*Завтра побеждает всегда,
Если ты начинаешь движение,
За диафрагмой страхов и обид
Завтра можно начать сейчас.*

И КАЖЕТСЯ, ЧТО ЗА НИМ СЧАСТЬЕ

- Вам тоже нужен керосинщик? - спросил мальчик, пристально посмотрев в глаза.

Он словно прочел в них нехватку тепла и внимания, что в этой душе уже давно не то чтобы огонь, даже маленький фитиль никто не зажигал. Холод, который она стала забывать во время прогулки, постепенно снова начал охватывать ее.

- Керосинка, керосинка, растопи у хала льдинку, - эхом отозвалось в ее ушах.

Подойдя к окну, она стала перед ним. Там, за этими занавесями, оранжевыми, как желток яиц деревенских курочек, было то, что она искала. Возможно давно, возможно много лет.

Едва уловимый запах чабреца и свежесваренного чая как одеяло укутал ее. Приглушенная композиция "Одиночество" в исполнении Вагифа Мустафазале дополняла обстановку.

Она не заметила пожилого мужчину, который сидел немного поодаль, невозмутимо перебирая четки в руках и, не отрываясь, смотрел на нее тяжелым взглядом прошлых лет.

- Как насчет того, чтобы высвободить то, что внутри? Назовем эту игру

вал настоящим гочу, - начал он повествование. - Я всегда знал, как хорошо заработать, найти выгоду в той или иной ситуации. Чтобы улучшить прибыль в моих лавках, которые ломались от обилия изысканных джеджима и тончайших шалей из тирмы, я договорился с городскими властями и открыл еще один проход, проход между Ичеришехер и внешним городом, чуть выше крепостных ворот Гоша Гала. В те времена город не был таким чистым и ухоженным, как сейчас, и бакинский ветер беспощадно хлестал мостовые и дома гудчим песком. И этот проход был еще одной возможностью быстро попасть на территорию, защищаемую духами предков.

Однажды ко мне в лавку завалился помощник одного из владельцев конторы по продаже кондитерских изделий. Он почти что рыдал и умолял помочь ему. К ним прибыла большая партия сладких галет, но никто не хотел покупать. Да и кто мог купить их в летний день, когда люди тянутся не к мучному, а к освежающему арбузу. Нужно было платить за поставку, и хозяин только и считал убытки от невостребованного продукта. Возможно я остался бы безучастным к